

Сергей БОРОВИКОВ

ЛЁВА

Лев Тобольский (1943–2005) известен как журналист и публицист. В течение 15 лет работал главным редактором газеты «Саратовский университет». Последние 20 лет жил в Энгельсе, где руководил рядом изданий: «Покровские вести», «Саратовское обозрение», был главным редактором энгельсской муниципальной газеты «Наше слово».

«Общественное мнение», 03/02/2016

1

В апреле 1961 года саратовские писатели Боровиков и Тобольский въехали в трехкомнатные квартиры в новом доме на набережной Волги, недавно названной именем Космонавтов, и мы познакомились с Лёвой Тобольским, которому было семнадцать, а мне четырнадцать. Он заканчивал десятилетку (мне же выпала введенная Хрущевым одиннадцатилетка), поступил в медицинский институт и женился. Мы никак не сблизились, пока в 1965 году он вдруг, как и я, не поступил на 1 курс филфака университета. Но прежде наших студенческих дней я хочу рассказать о той нехорошей роли, которую сыграла в моей жизни Лёвкина жена, очень красивая, чего я тогда не замечал, Ольга работала зубным врачом, русская. В говорливой семье она выделялась молчаливостью и постоянно улыбалась, открывая белые натуральные зубы. У них была дочь.

В те времена в Саратове дантисты резко делились на две категории. Немногие с высшим образованием, а остальные – выпускники двухгодичной школы при медицинском училище (в СМИ стоматологического факультета не было), как и Ольга Тобольская.

В детстве я не боялся лечить или вырывать зубы. До Ольги. У меня тогда не на шутку разболелся верхний зуб, а был тот, к счастью не очень долгий, период времени, когда я был откреплен от так называемой «партактивской» поликлиники, в которой наблюдался как писательский сын с рождения, но однажды, при том же Никите Сергеевиче, писателей от неё открепили, видимо, в рамках кампании борьбы с привилегиями, и надо было пользоваться районной, чего я, как любой советский гражданин, конечно не желал; а в 1971 году уже как работник журнала «Волга» вернулся в ту самую поликлинику № 1.

И тут при лестничной встрече Ольга предложила мне свою лечебную помощь. Работала она в какой-то сомнительной энгельсской поликлинике, куда я и поехал на своем мотоцикле «Ява-250». Увидя ту, чуть ли не фанерную, избушку на территории клейзавода, и, вероятно, к нему же относящуюся, надо было поворотить назад, но увы. Расписывать пребывание в Ольгином кресле не стану, белозубая улыбка не сходила с её лица, склонившегося к моему даже и тогда, когда, не сумев вырвать зуб щипцами, она окликнула: «Тетья Паша, иди сюда!» И вручила подошедшей коренастой санитарке небольшую кувалду, которой та стала бить по вставленному мне в рот долоту. За долгую последующую жизнь мне больше не встретится стоматолог, который не в состоянии удалить зуб щипцами. А времени, проведенного в обществе Ольги и тётки Паши, стало достаточ-

но, чтобы на многие годы поселить во мне животный ужас перед креслом стоматолога. Остается удивляться, как за рулём «Явы» я преодолел дорогу до Волги и мост до Саратова.

Итак, мы с Лёвой студенты 1-го курса филфака СГУ. Конечно, было смешно, что сразу два сына писателей, которых было в городе не больше двадцати, враз вознамерились сделаться филологами, без малейших на то оснований (у меня по литературе в школе, включая аттестат, была только тройка), юмору добавляло и то, что декан филфака Светлана Бах жила в нашем подъезде, а с Тобольскими так и через стену.

2

Лёва внешне многим был похож на отца, отличаясь лишь склонностью к полноте.

Начну с пороков. Если отец пил часто и помногу, норovia при этом влипнуть в историю, то Лёва мог выпить «как все», по случаю или поводу, но явно не зависел от водки, которой между прочим наследственно не просто отдавал предпочтение, но вообще не брал в рот ничего другого. Оба курили, но отец был просто курильщиком, а Лёва курильщиком отъявленным. Мне довелось ночевать и с тем и с другим, но не помню, чтобы Исай Григорьевич, как его сын, просыпался только для того, чтобы покурить и опять заснуть. Ко всему прочему у Лёвы смолodu была язва желудка, что накладывало на него некие ограничения. И наконец, главное: оба были безудержными бабниками. Про отца я больше слышал, чем видел, хотя и видеть успел, а много и тесно общаясь с сыном на протяжении пяти филфаковских лет, я не раз делался его наперсником, или, говоря по-старинному, конфидентом. Лёва поражал меня неугасаемой потребностью новых и новых романов, еще более поражая изобретательностью, и уж вовсе озадачивая неприятельностью выбора. Впрочем, насчёт последнего я, конечно, заблуждался, когда наблюдал отсутствие малейшей, на мой взгляд, привлекательности у предмета его интереса. Так, однажды участвуя в передаче посланий некоей учительнице, увидел немолодую, лет на десять старше, лучше сказать, старше моего друга, костлявую, без тени кокетства одетую тётку с замученными глазами.

Лёву обуревала непрестанная похоть. Однажды мы в зимние каникулы ездили в Москву – такие поездки были в обычае: проезд оплачивался и проживание. А жили по трое в высотке МГУ на Ленинских горах, где были помещения из двух комнат с прилегающими водяными удобствами. Третьим у нас был Серёжа Ветров, на котором не стоит останавливаться, человек был вялый, но сын первого заместителя председателя, по нынешнему вице-мэра Саратова. Наслаждались всеми гигантскими удобствами вестибюлей и прочего, выяснили, что свободно продается спиртное, и Ветров зачем-то разорился на бутылку югославского коньяка. Но в глазах Тобольского читался его главный жизненный интерес. В комнате был телефон, и вскоре он нам сообщил, как бы пряча в усы, которые он, подобно отцу, носил, и тоже рыжие, блудливую ухмылку, что вскоре пожалуют к нам в гости две его знакомые барышни.

Мы откупили сухое и убедили Ветрова пожертвовать коньяк. Когда почему-то беспрепятственно явились две, так сказать, девушки, они оказались до странного непохожи. Одна, игривая тугая брюнетка, постарше, вторая, блондинка, была худая, непомерно высока и как бы не вполне нормальна. Но, конечно, не проститутки, и здесь я отвлекусь на мало мне знакомую тему и вспомню один вечер уже много лет спустя в квартире писателя Олега Михайлова, когда он вызволил проститутку.

Тогда я, как только что получивший аванс в издательстве «Советская Россия», сделался спонсором, и поехал на такси в ЦДЛ, где купил несколько бутылок грузинского красного вина ткварчели, по ходу дела загордившись, что на входе у меня не спросили билет и не раз здоровались знакомые литераторы.

Про вечер у Михайлова не могу не вспомнить, как бывший в застолье Виктор Чалмаев, едва увидев приглашенных, сразу же ушел домой в соседний по ул. Красноармейская, 25, дом. А приехала целая бригада во главе с крупной, в кителе, явной приверженицей однополрой любви, ка-

кой-то стандартной блондинки и кокетливого мальчика неопределённых лет. К счастью, что-то у хозяина с этой бандой не заладилось и вскоре я лег спать.

Но – к Лёве.

Гости выпили коньяка, причем придурковатая всё – и салфетку, и собственный палец тащи-ла в рот, старшая откровенно ждала Лёву, которому я уже сказал о своем неучастии, и младшая исчезла. Всё это я вспоминаю с единственной целью сообщить, какое лицо у Тобольского было, когда он наконец вышел из соседней комнаты, где часа два пробыл с гостьей. Он враз резко осунулся, черты заострились, под глазами набухли темные мешки: я видел мужчину-самца, а не болтуна по поводу или из тщеславия: он исполнил предназначенное природой.

Та каникулярная поездка запомнилась мне ещё и тем, как у здания театра «Современник», ещё на пл. Маяковского, укарауленный нами Олег Табаков, глядя на причитания однокурсницы Галки Килиной, распорядился оставить нам в кассе контрамарки на спектакль из болгарской жизни с Вертинской и Козаковым, оказавшийся очень скучным. А ещё тем, как по дороге на обратный вокзал в метро Лёву приняли за кавказца. Тогда ещё не было пластиковых пакетов, и купленные домой мандарины и колбасный сыр он нёс в дырявой авоське, что в сочетании с Лёвиным носом и шапкой-пирожок вызвало реплику старушки: «Они так всю Москву развезут!»

3

Нередко он оставлял впечатление не слишком далёкого человека, почему? Вероятно из-за безаппеляционности. Сейчас думаю, что его самоуверенность была продиктована безусловными успехами у женщин. В старости понимаешь, сколь важна в жизни сексуальная уверенность, однако та победительность вовсе не гарантирует служебную карьеру. Моим главным свойством во всю жизнь было колебание, смятение перед необходимостью выбора, а профуспехи шли безо всяких на то моих усилий.

Лёвина бесконечная в себе уверенность, конечно, раздражала. Хочу вспомнить один пример, но прежде об отношении преподавателей к писательским отпрыскам. Отчасти оно определялось естественной связью литераторов с филологами, из которых два профессора - Покусаев и Бугаенко – сами были членами СП и редколлегии журнала «Волга», да и другие там публиковались как критики. На первом курсе меня изводил доцент Олег Ильин с кафедры советской литературы, норва по поводу и без повода на лекции называть отца, чтобы со смехом утвердить мою неполноценность. Я обижался, пока не услышал, что Ильин когда-то ходил в перспективных молодых критиках. А спустя какое-то время разнеслась весть, что Олега Ивановича определили в психушку. Тогда стало понятно его странное, словно бы хулиганское поведение на лекциях, беспричинный хохот и кривлянье, которые мы, естественно, объясняли похмельем, хотя пьяным его не видели даже и жившие в общежитии студенты, где были и квартиры преподавателей, профессора Покусаева. Оказалось, что у него была опухоль мозга. По-своему моим происхождением доставал меня и другой доцент той же кафедры, Черников, автор охотничьих рассказов, читавший курс истории белорусской (так!) литературы. Старенький, как и мой отец, Василий Михайлович ухмылялся и добродушно передавал отцу привет. Между прочим, и он, и Ильин, да и другие преподаватели были фронтовиками, даже и американистка Мария Нестеровна Боброва.

Так вот об эпизоде на экзамене по русской литературе XIX века, который принимали доценты русской кафедры Алла Жук и молодой Валерий Прозоров. Они сидели каждый за своим столом. Надо было взять кроме билета карточку с короткой цитатой, чтобы назвать автора. Мне досталось: *«Я знал, что голова, любимая тобою, с твоей груди на плаху перейдет»*. Автора не знал, но осторожно и оказалось правильно предположил: *«Похоже на Лермонтова»*.

Я еще готовился к ответу, когда Жук, которой отвечал Тобольский, замахала Прозорову рукой: *«Иди сюда!»* Слушая, оба стали заливаться смехом, Левка побагровел, но упрямо продолжал ответ. Конечно, смех вызвал не самый обычный набор банальностей, а то, с какой важностью он их преподносил.

На 4-м курсе распределяли по спецсеминарам, и Лёва, пойдя к Бугаенко, получил тему диплома «Твардовский-критик». Павел Андреевич Бугаенко заведовал кафедрой советской литературы и, обладая множеством достоинств, был до смешного тщеславен, что было ещё военным отголоском немецкого плена. Пред описанной выше каникулярной поездкой в Москву он велел Лёве изготовить на тему диплома вроде как статью с тем, чтобы её прочитал и уж конечно одобрил сам Александр Трифонович. Для этого надлежало явиться в редакцию «Нового мира», где вручить классику рекомендательное письмо профессора, а затем и свой текст. Павел Андреевич, вероятно, полагал, что Твардовский воскликнет: «Ба, да ты от Бугаенко!» и заключит смущённого Лёву в объятия. В Москве предложил мне вместе сходить в «Новый мир», я из любопытства согласился, хотя несколько не верил в успех затеи. Когда в редакции мы поднимались по крутой лестнице, нам навстречу спускался высокий старик в генеральской форме аж с тремя звездами, конечно, то был А.В. Горбатов. В приёмной очень серьёзному и очень носатому саратовцу посоветовали обратиться в «Вопросы литературы», рекомендательного письма не взяв.

4

Вообще-то его нельзя было назвать оборотистым парнем, хотя иногда он и проявлял на этот счет способности.

Поскольку мы учились в какой-то во многом условной «журналистской группе», практик было две: педагогическая и журналистская. И вот накануне предстоящих после 4-го курса каникул Лёва посвящает меня в следующий план.

В то время редактором университетской многотиражки «Ленинский путь» работала Ущева Нина Аркадьевна, о которой сейчас узнал, что скончалась она в 2017 году на 88-м году жизни. Была женщина крупно-дебелая и всегда непомерно оживлённая, Лёву печатала, а каким образом возникла у них близкая дружба, и предполагать не стану.

А ещё в те баснословные года у нашего университета база отдыха была не только на Волге у села Чардым, но и на Чёрном море у города Геленджик, где Лёвина подруга вознамерилась побыть на халяву, для чего придумала устроить там практику для пары старшекурсников, которых сама была бы руководителем. Всё это энергичная дама обговорила в ректорате, и мало того, в геленджикской районной газете, где согласились оформить студентов на временную работу.

Удивительно, но план оказался выполнен, одного студента ей показалось мало, для чего Лёва и вспомнил про меня.

Удивительно, но я согласился, хотя и примерно не представлял, каким таким газетным работником могу быть.

Удивительно, но меня отпустили из дома, где кроме родителей были жена и годовалый сын.

Удивительно, но на всю затею мне хватило двух дней, потому что в Кабардинке я в первый же вечер так напился, что назавтра похмельно затосковал по дому и с несвойственной мне энергией за день сумел добраться автобусом до Краснодара и улететь в Саратов.

А Лёва благополучно прослужил месяц в газете и привёз домой кучу публикаций с заметками и фото из курортной жизни. Собственно, там началась его журналистская карьера, о которой см. нач.

5

Пока всё тут правда, но впечатление мнимой недалёкости и реального важничанья отступят, если скажу, что Лёва по природе был юмористом. Не записным остряком, как его отец, а потому что обладал крайне редким умением сразу сделать смешным то, что происходит сейчас и здесь. Думаю и это тоже не последнюю очередь привлекало женщин.

Поскольку меня в силу престарелости всё больше тянет на выводы, отмечу как неправду отсутствие у баб чувства юмора, что замечается по их равнодушию к анекдотам или цитированию

Ильфа и Петрова. А вот заметить коичность ситуации они готовы мгновенно, что бывает столь убийственно обидно для мужчин.

С удовольствием вспоминаю его плутоватый взгляд, когда, рассказывая, он не рассчитывал на достоверность – было бы смешно. Вот взялся за знаменитого в городе профессора мединститута, о чудачествах которого и я слышал от друзей, там учившихся. Будто бы, по Лёвиной байке, перед первой лекцией по его велению в аудитории гасили свет, он возникал на кафедре в вспыхнувшем луче проектора с криком «Начинаем фар! ма! КАЛОГИЮ!!!!!!!»

Когда мне доводилось потом читать написанное Лёвой, серо по-газетному написанное, я догадываться только мог, что нигде не проявилось его взгляд художника. Как-то он мне рассказывал, что заметил, как по выходным на строящийся во дворе дом приходит небольшой мужичок и, передвигаясь по опустевшей площадке, словно бы говорит с невидимыми собеседниками, на что-то указывает, размахивает руками, кричит... И, сказал Лёва, я вообразил, что этот мужичок всю неделю ждёт воскресенья, чтобы разыграть сцены, где он как бы главный, словно он бригадир и командует рабочими.

Я тогда его заслушался, но ничего подобного он не писал.

И здесь я вернусь к самой первой фразе этого мемуара: «саратовские писатели».

Подобно большинству членов Союза советских писателей, наши папаши писателями не были. Ещё подростком я стал стыдиться профессии отца. Помню, насколько трудно было её назвать, как, например, на заводе «Сардизель», куда нас определили на т. н. производственное обучение, из-за которого нам пришлось учиться не десять, а одиннадцать лет, как начальник цеха по фамилии Широков, записывая места работы родителей, приостановился, когда я сказал: Союз писателей.

Сейчас-то мне ясна метафизическая причина давнишнего стыла, который, как я сознавал, понятен и окружающим, а так чего стыдиться – вроде профессия уважаемая. Но я свой стыд не сейчас выдумал, это правда.

То есть я уже понимал, что отец не писатель, просто потому, что его читать всерьёз не могу.

Может быть, важнее было и не то, что книги отца читать невозможно, и не то, что он с утра бодро продолжал исписывать страницу за страницей, рассылать тексты и заявки по редакциям, а то, что я понял, что он ничего не смыслит в литературе, воспринимая её тематически.

Здесь же стоит задержаться и на приобретении книг. Долгое время, до переезда в большую квартиру, дома их было немного, а собрание сочинений так одно: Пушкина в шести томах, приложение к журналу «Молодой колхозник» (1949). Но и на набережной отец не участвовал в той собирательно-книжной гонке, что одолевала наших граждан вплоть до девяностых годов, чтобы стремительно и бесследно исчезнуть. Смешно вспоминать эту погоню за книгами, тесно сопряжённую с гаснущим желанием их прочитать. То, что отец на это не вёлся, говорит в его пользу. Здесь уж я подгадил, когда студентом сам отравился и его пытался заразить. С той поры у меня и сейчас живы книги, глядя на корешки которых, я помню о каждой, как купил, но не смогу объяснить зачем.

По мере разрастания домашней библиотеки я наблюдал и оценивал реакцию отца на приобретения, убеждаясь в равнодушии его к ним. Он говорил удручающе общие слова, клал новый том на прикроватную тумбочку, но одолевал несколько первых страниц.

Припомню, что у него была, не совсем даже книжная, страсть к приобретению географических изданий не популярного, а научного толка. Кое-что я сохранил.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Москва, 1956. Тир. 100000 экз.

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842–1844 гг. Москва, 1956. Тир. 15000 экз.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 гг. Москва, 1955. Тир. 50000 экз.

Давид Ливингстон, Чарльз Ливингстон. Путешествия по Замбези с 1858 по 1864 гг. Москва, 1956. Тир. 50000 экз.

Н.Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на берег Маклая. Сборник. Москва, 1956. Тир. 50000 экз.

Обращает на себя внимание то, что книги выпущены одним «Издательством географической литературы» почти одновременно, и что тираж загоскинского сборника в разы меньше.

Предположу, что моего родителя завораживало само слово «путешествие», и в знаменательном пятьдесят шестом он отправился в первой же группе саратовских туристов в Китай. Ездил и ещё в круиз по Средиземному морю, в Чехословакию. А что касается книг, он покупал все доступные альбомы с видами Вены, Токио и т. д., а особое предпочтение отдавал томам серии о странствиях Ганзелки и Зикмунда. Но *«спустя несколько лет имена Ганзелки и Зикмунда пропали со страниц советской печати, их книги перестали переиздаваться. Путешественники в 1968 году поддержали Пражскую весну и осудили ввод советских войск. После наступления режима так называемой “нормализации” в Чехословакии на Ганзелку и Зикмунда был наложен негласный запрет публиковаться, их по сути лишили средств к существованию, и ни о новом путешествии по СССР, ни о литературной обработке материалов поездки, конечно, не могло быть и речи»* («Неприкосновенный запас», № 129).

Возвращаясь к сопоставлению отцов, замечу, что Тобольский после войны за пределы области выезжал, если не ошибаюсь, дважды.

В Горький, где Леонид Соболев, глава едва созданного СП РСФСР, собрал выездной пленум, после которого Исая Григорьевича больше не приглашали ввиду случившегося там его, как обычно театрализованного, заповя.

И ещё много после, когда внука от дочери долго лечили в Москве, он пожил в переделкинском доме творчества.

6

Когда Лёва всё-таки разошелся, тут же снова женился. И хоть вторая жена была еврейка, она крайне не понравилась семье. Исай Григорьевич крыл новую сноху последними словами, поскольку в городе у неё была скверная репутация: рассказывали о связи студентки пединститута с пожилым ректором. К тому же обладала настолько приподнято сексуальной внешностью, что на улице все оборачивались.

Он потом еще женился, раз или более, не знаю, много лет мы не встречались, но однажды позвонил, когда я стал редактором газеты «Новые времена в Саратове» (2002). Я сперва закручинился предстоящим с ним объяснением, но очерк был неплох даже для нашего высокомерного издания. Он приехал в редакцию, и мы не стали предаваться воспоминаниям, а спокойно поговорили по тексту. А вскоре прислал новый текст на порядок хуже. И, кажется, была еще его попытка, не помню. А вскоре, узнав о его смерти... да что – узнал о его смерти в 62 года – рановато? Не знаю. В том же 2002-м я пережил клиническую смерть в обширном инфаркте. Но мне стало интересно, когда приехала вдова. Стихов покойного супруга я не взял, легко отговорившись тем, что стихов не печатаем вообще, зато увидел то, что и предполагал – любящую сдержанную женщину. Лёве и должна была найтись такая спутница, чтобы вся для него.